

Семен Венгеров

**Письмо Белинского к
Гоголю**

Семен Афанасьевич Венгеров

Письмо Белинского к Гоголю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22095114

Аннотация

«В самом начале 1847 г. появилась печально – знаменитая книга Гоголя „Выбранные места из переписки с друзьями“.

Трудно было найти более неподходящий момент для обнародования этой мрачной отповеди всему тому, чем волновались наиболее чуткие элементы русского общества. Годы 1846-47 были временем совершенно исключительным по тому необыкновенному приливу радостных ожиданий чего-то бесконечно-светлого, которое тогда охватило всю Европу. По известному свидетельству Щедрина, „из Франции, разумеется не из Франции Луи-Филиппа и Гизо, а из Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж-Занд – лилась в нас *вера в человечество*; оттуда воссияла нам уверенность, что золотой век не позади, а впереди нас“...»

Семен Венгеров

Письмо Белинского к Гоголю

В самом начале 1847 г. появилась печально – знаменитая книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Трудно было найти более неподходящий момент для обнародования этой мрачной отповеди всему тому, чем волновались наиболее чуткие элементы русского общества. Годы 1846-47 были временем совершенно исключительным по тому необыкновенному приливу радостных ожиданий чего-то бесконечно-светлого, которое тогда охватило всю Европу. По известному свидетельству Щедрина, «из Франции, разумеется не из Франции Луи-Филиппа и Гизо, а из Франции Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж-Занд – лилась в нас *вера в человечество*; оттуда воссияла нам уверенность, что золотой век не позади, а впереди нас».

В этом важном историческом свидетельстве драгоценны не только факты, но и общий тон. Речь как будто идет о политико-экономических теориях, но на самом деле воспоминания расшевелили в суровом сатирике только память сердца. Тут «не борьба классов», а, не политическая экономия, а *вера* и эта вера воспринята не сухо-логически, потому что

факты и цифры неотразимы, – она воссияла. В политическую экономию Луи Блана огромным клином врезалась романистка Жорж Занд. Но раз люди серьезно мечтают о наступлении «золотого века», то почему бы романистам и не играть первенствующей роли в истории происхождения этих мечтаний.

И вот в такой-то момент почти религиозного экстаза, появляется книга великого писателя, которым до того все бредили, которым клялись в борьбе с литературным старостством и эта книга зовет даже не в Византию, а куда то еще подальше. Автор не остался глух к голосу времени, он правильно констатирует, что «стал слышаться повсюду болезненный ропот неудовлетворения, голос неудовольствия человеческого на все, что ни есть на свете: на порядок вещей, на время, на самого себя»; вполне правильно отмечает он также, что «всем, наконец, начинает становиться подозрительным то совершенство, на которое возвела нас наша новейшая гражданственность». Но в чем выход? В борьбе с «непокорною, жесткою, несклонною к повиновению природою», да еще «в одном только простом исполнении обычаев старины и обрядов, которые не без смысла были установлены древними мудрецами и заповеданы передаваться в виде святыни от отца к сыну»!..

Борьба с нежеланием человека «повиноваться» дала окраску всей книге и в ней центр тяжести того подавляющего впечатления, которое она произвела на современников, как

раз теперь размечтавшихся пожить немного и на свободе.

Гоголевская «Переписка» была проповедью воздержания голодающему. Все изнемогало от бесправия и произвола, закрепощенный народ нравственно вырождался от сковавшей его по рукам и ногам неволи, литература стонала от болезненной подозрительности Красовских и Мусиных-Пушкиных, а тут все еще оказывается недостаточно «повиновения». «Переписка» хотела отнимать даже священное чувство обиды, не позволяла даже стонать от той «неправды черной», которую была полна жизнь того времени даже по свидетельству друга Гоголя Хомякова и его самого в его художественных произведениях.

Всеобщее негодование, вызванное «Перепиской» нашла себе, между прочим, выражение в рецензии Белинского, напеч. во 2 Но «Современника» за 1847 г. В этой рецензии Белинский, насколько мог при тогдашних цензурных условиях, отнесся к книге совершенно отрицательно. При всей своей резкости рецензия всего менее соответствовала действительной степени раздражения критика. «Статья о гнусной книге Гоголя», писал Белинский своему другу Василию Боткину, «могла бы выйти замечательно хорошою, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству».

Но на Гоголя и вынужденно-мягкая рецензия Белинского подействовала очень болезненно, потому что до того он привык встречать в статьях Белинского только самое восторжен-

ное к себе отношение. Совершенно не поняв истинного источника негодования Белинского, Гоголь написал ему письмо, в котором все сведено к какому-то личному раздражению критика!

Белинский собрался ответить на это письмо в июле 1847 г., в один из тоскливых дней своего пребывания в Зальцбрунне (в прусской Силезии), куда друзья его отправили лечиться от злой чахотки. Возможность свободно высказать все то, что накипело на душе, сообщило письму необыкновенную страстность. Не стесняемый теперь внешними соображениями, он достиг силы изумительной и поднялся до вершин гражданского воодушевления и негодующего красноречия.

Письмо Белинского оттого, конечно, и получило такую потрясающую силу, что его устами говорило сознание, можно сказать без всякого преувеличения, всего того, что в России честно мыслило. Это можно доказать нижеприведенным свидетельством, достоверность которого никто не решится оспаривать, потому что оно вышло из среды, враждебной Белинскому – оно принадлежит Ивану Аксакову. Уже самый факт небывало-широкого распространения письма Белинского глубоко-характерен и показывает, что в данном случае общественное сознание было настолько взволновано, что нашло пути проявиться даже при невозможно-тяжелых условиях общественной жизни того времени.

Письмо Белинского совершенно неожиданно стало пер-

вым политическим памфлетом в России. Не имея никакого представления о том, что его частный ответ получит такую небывалую огласку, не имея и самого отдаленного представления о том, что вырвавшиеся в пылу гнева слова его станут лозунгом, общественно-политической программой, Белинский писал письмо со всем страстным порывом своего великого сердца и дал полную волю всему тому пламенному негодованию, которое не могло получить и приблизительно-го выражения в его печатной полемике с «Перепиской».

Таким образом, общественно-политическая отсталость «Переписки» получила отпор в полной силе. Создалась борьба двух мирозерцаний, в которой были на стороне Белинского не то что «либералы», а просто все искренние и порядочные люди. Вот что наблюдал еще целых шесть – семь лет спустя Аксаков:

«Много я ездил по России, – писал он отцу, – имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, *который не знал бы наизусть письма Белинского к Гоголю*; в отдаленных краях России только теперь еще проникает это влияние и увеличивает число прозелитов... Мы *Белинскому обязаны своим*, – говорят мне везде молодые, честные люди в провинции.

И в самом деле, – в провинции вы можете видеть два класса людей: с одной стороны, взяточников, чиновников в пол-

ном смысле этого слова, жаждущих лент, крестов и чинов, помещиков, презирающих идеологов, привязанных к своему барскому достоинству и крепостному праву, вообще довольно гнусных. Вы отворачиваетесь от них, обращаетесь к другой стороне, где видите людей молодых, честных возмущающихся злом и гнетом, поборников эмансипации и всякого простора, с идеями гуманными. Если вам *нужно честного, способного сострадать болезням и несчастиям угнетенных, честного доктора, честного*, который полез бы на борьбу – ищите таковых в провинции между *последователями*.

Только смерть (26 мая 1848 г.) избавила Белинского от самого тяжкого наказания за письмо его. Доживи он всего только до начала 1849 г., когда были захвачены так назыв. „Петрашевцы“, он несомненно был-бы причислен к преступнейшей категории „Общества пропаганды“. Многие из Петрашевцев только и были повинны, что в распространении этого письма. Звучит чем-то непостижимо-диким, однако это факт, что в числе мотивов, на основании которых Достоевский и Пальм были первоначально приговорены к *смертной казни*, выставлено „о распространении письма Белинского“.

И даже окончательный, *смягчённый* приговор Относительно Плещеева мотивирован так: „Плещеева, за распространение письма Белинского лишить всех прав состояния и сослать в *каторжную работу* на заводах на 4 года“. Имя Белинского было изъято из обращения и даже в первые го-

ды царствования Александра II не произносилось в печати прямо, а заменялось выражением: „критик Гоголевского периода“».

Письмо Белинского впервые было напечатано Герценом в «Полярной Звезде» 1855 г. и затем перепечатывалось за границу несколько раз, между прочим в 1880 г. (Женева), с предисловием М. П. Драгоманова. В России письмо появлялось только в извлечениях, сначала в «Вест. Евр.» 1872, № 7, а затем в известной книге Пыпина о Белинском (Спб. 1876), с оговоркой, что автор «не имеет возможности представить письмо вполне».

В 1894 г. Н. П. Барсуков в 8 томе своего забавно – обскурантского, хотя и весьма ценного по материалам, сочинения «Жизнь и труды М. И. Погодина» перепечатал письмо Белинского как образчик «анти-православного и следовательно анти – Русского мирозерцания». Перепечатал, однако, не целиком. «Нравственное чувство», говорит Барсуков, «не позволяет нам привести письмо в его цельном виде». И действительно, он опустил 8 мест, где поставлены все точки над *i*. Из книги Барсукова письмо в том-же неполном виде была перепечатано в некоторых журналах. Целиком письмо Белинского делается доступным, только в настоящем издании, в медовые дни: русской самочинной свободы печати.